Артем Сагакьян

Не было и не надо

Артем Сагакьян Не было и не надо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67118301 Self Pub; 2022

Аннотация

Пьеса. Трагикомедия. Студент Марк заступает на первое ночное дежурство в морге. Глебов опаздывает на самолет и хочет побыстрее получить тело. Обоим придется провести эту ночь друг с другом. И возможно, каждый узнает о себе что-то новое.

Лонг-лист конкурса "Зачем я это помню?"

Фото – собственность автора.

Содержит нецензурную брань.

Артем Сагакьян Не было и не надо

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРК – студент медицинского института

ГЛЕБОВ – 45 лет, а может чуть больше

СТОРОЖ – помятый мужчина неопределенного возраста

ЛИЗА – помощник следователя, строгая девушка в полицейской форме

КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА – волнующаяся дама за сорок, со следами пластики на лице

САНИТАРЫ – мужеподобная ТЕТКА и скользкий МУ-ЖИК

БАБКА – обычная русская старушка ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ – начальница и вдова БОМЖ СЕВА-РАМС – просто бомж

Морг. Просторное помещение. Стол со стулом. В углу медицинские каталки. Пустые. В другом углу потрепанный диван. Широкие створки лифта по центру. Две двери по разные стороны. В одну входят двое — МАРК и СТОРОЖ, оба в белых халатах. У Сторожа из-под халата выглядывает тельняшка. Моргают лампы.

СТОРОЖ. Вчера девочка пришла. И собаку принесла. В школьном рюкзаке. Я ей говорю тута для людей. А она давай

МАРК Авы? СТОРОЖ. Выгнал. Короче, с дверью так. Вставил и по-

вернул! Потом приподнял и выдернул с силой. Чтоб с хрустом прям. Понял?

МАРК. Может все-таки не надо? СТОРОЖ. Не, я книжку писать буду. Продолжение. (де-

мне ныть, собака чо типа, не человек?

алмазная пыль. Сева-Рамс мне посоветовал книжки писать. Для нервов. Головастый был покойничек, прости Господи. Тебя на его место взяли. Красиво?

кламирует нараспев) В седых волосах паромщика мерцала

МАРК. (рассматривая с интересом помещение) Ну так, пафосно. Вы бы мне объяснили, как тут все устроено вообще.

СТОРОЖ. А че объяснять-то? Халат вон у тебя есть. А в нашем деле халат это уже полдела. Ну и самое – не суетись.

МАРК. Как в библиотеке?

Смерть, она суеты не любит. Порядок и тишина.

СТОРОЖ. Ну да. Каждый человек открытая книга.

МАРК. Может быть закрытая? Здесь же трупы хранят. СТОРОЖ. Ваще-то в русской сказке мертвец или там по-

койник - одушевлённые персонажи. А труп - неодушевленный. Во! (указывает на стол полный старых книжек) Все там!

МАРК. Я же в медицинском учусь, а не на филолога.

СТОРОЖ. (повернувшись спиной, ищет что-то в углу) Я

ло. Покойников обмывал, могилы копал. Спина болит только, опять сторожем подвязался. А тебя-то че в морг потянуло?

МАРК. Здесь тихо. В общаге отвлекают все время. Гото-

тоже как-то... учился и не доучился. Где тут магнитофон был? Тоже сначала в морг пошел сторожем. А потом засоса-

СТОРОЖ. (копается в шкафу) К земле? Где мафон, а? Там кассета такая. МАРК. Так вы со мной не посидите? Мне сказали тут по

вится не дают. Да и как-то ближе...

двое дежурят. СТОРОЖ. (машет рукой) Да, хрен с ним с магнитофо-

HOM. МАРК. Мне сказали...

СТОРОЖ. Обещал ей знаешь кассету принести. Не принесешь - начнется... Ветер с камнями... Не знаешь, если

здесь в спине так хрусть, а потом вертит, это че? МАРК. Не знаю.

СТОРОЖ. А еще типа доктор. Ладно, короче. Вон там за дверью - холодильник. Тута лифт. Это значит приемка

и есть. Принял, записал, откатил на каталочке в холодильник. И бирку навесил. И всего делов. Вот одеялко. Это от Севы-покойника осталось. Работы нет – спи себе. Формалином только воняет. Впитывается, так что ты лучше другую

одежу приноси. А то после смены домой в трамвае едешь, люди шарахаются. Баба моя так и говорит, что от меня трупами несет. Дура-баба. Сторож подходит к одной из пустых каталок. Садится

сверху на каталку. Отталкивается ногами. Каталка, скрипя едет по кабинету.

СТОРОЖ. Значит, завотделением тут ходит. У нее муж в

прошлом году умер, так ее сюда тянет. Как медом намазано. Мужа ищет. Будешь бухать так следи чтоб врачихи не запалили. И баб не води. Хотя я так и женился, ха.

МАРК. Я работать пришел. И учиться.

СТОРОЖ. Сознательный. Ну сиди книжки читай.

Марк садиться за стол. Достает стопку учебников и справочников. Отодвигает стопку старых книжек и жирналов. МАРК. Я учебники почитаю.

Со стороны морга раздается сильный стук.

МАРК. (вскакивает) Что это?

СТОРОЖ. Души шалят. (пауза) Да холодильник там! Бы-

вает так у него. Че жим-жим, да?

МАРК. Есть немного. А вы такой философ из-за работы?

СТОРОЖ. Это из-за водки. Займешь может рублей триста... писят?

МАРК. Нет. Не займу.

СТОРОЖ. (снимает халат и бросает его на одну из каталок) Хуже всего в людях равнодушие. Помнишь, как у До-

влатова?

МАРК. Не читал.

МАРК. Тоже, не читал. СТОРОЖ. Ну и поколение. Как вы с Россией-то справи-

СТОРОЖ. Довлатова? А что читал? Гарри Поттера, да?

МАРК. Не хуже вас.

тесь?

СТОРОЖ. Ну так хуже нас уже невозможно. Счастливого дежурства, пацан.

Сторож уходит. Марк накидывает одеяло на плечи, открывает учебник. Забегает запыхавшийся **ГЛЕБОВ**. Одет в пальто, ци-

вильно, но немного помят. ГЛЕБОВ. Фу-ух! Ну и мороз. Отвык на югах-то. Успел я,

да? Не закрылись еще?

МАРК. Так не магазин. ГЛЕБОВ. (все еще тяжело дыша) Смешно. Фуууух. Ух.

Давай, брат. Выкатывай. Выноси. Вот тебе.

Глебов хлопает какую-то бумагу на стол. Марк мельком смотрит на нее, но не шевелится. Выглядит озадаченным.

МАРК. Что это?

ГЛЕБОВ. Акт приемки. В смысле сдачи. Сдачи-прием-

ки. Приемки-сдачи. Давай мне Митрохину Елену Павловну, 1973 года рождения.

МАРК. Вообще выдача днем, по утрам. И...

ГЛЕБОВ. Гонишь, да? Я ночью уезжаю уже. Улетаю на самолете. С Еленой Павловной. У нас и билеты есть. И в крематории нас с ней ждут.

МАРК. Но я не могу.

ГЛЕБОВ. (усаживаясь на свободный стул напротив) Братан, я вот честно понимаю, что ты не можешь скорее всего, но ты как бы немного так отойди от этих правил. Ну, опоз-

дал немного. Утро когда? А сейчас еще двенадцать. Или уже. Почти утро нового дня. А Я заплачу за срочность. По-человечески тебя прошу. Опоздал чуток. Везде же очереди, сам

Глебов двигает бумагу к Марку.

МАРК. Вы не поняли. Я не имею права выдавать. Я один тут. И я первый раз... ГЛЕБОВ. И я первый раз. И все первый. Когда-нибудь...

Ну ты человек или что?

знаешь. Мороз еще.

Начинают моргать лампы.

МАРК. Слушайте, я не могу выдать вам тело. Тут надо специальное оформление. Я не знаю ни где что лежит, бумаги там, печати... Да у меня полномочий на это нет! Я просто сторож. Я понимаю вас, но не могу. И напарник ушел. Извините.

ГЛЕБОВ. (*трет лицо ладонями*) Так. Так-так-так. Короче, я понял тебя, понял. Все. Все. Так. Давай ты просто пойдешь на... на нарушение. (*Глебов поднимает палец вверх*)

Один раз. Первый раз. Я заплачу тебе. Много, хорошо заплачу. Это не взятка, нет. Это уважение. Компенсация. За нарушения правил, может быть даже увольнение. А ты всегда можешь своим сказать – я не знал, я первый раз... Все равно

каждый час тебе заплачу десять тысяч рублей. МАРК Я не ГЛЕБОВ. (останавливает Марка жестом) Ту-ту-ту-ту. Двадцать. Двадцать пять тысяч рублей. Это двести штук. А?

я в восемь утра Елену получу. Через восемь часов. И я за

Пойми, в восемь я уже должен в самолете лететь. МАРК. С трупом?

ГЛЕБОВ. Ага. Я с крематорием договорился. Тут по пути. Слушай, ну неважно тебе это все.

МАРК. Ночью с крематорием?

ГЛЕБОВ. Там люди очень договороспособные. Такие же

как ты. По рукам?

МАРК. Как-то так не делается. Дак и... Там с той стороны открывается все. В смысле выдача с той стороны. Здесь

приемка. У меня, наверное, и ключа нет от той стороны. Я же не сюда вам ее вынесу. ГЛЕБОВ. Да я и здесь приму. Ее. Леночку мою.

МАРК. По ступенькам что ли понесете? Через больницу? На руках? По улице?

ГЛЕБОВ. Там таксист стоит, ждет.

МАРК. Таксист?!

ГЛЕБОВ. (Глебов в нетерпении бьет ладонями о стол) Блииин! Что ты трудный такой? Он все равно не русский. Не

поймет ничего. У них кстати в культуре уважение к мертвым

гораздо сильнее, чем у нас. МАРК. Стоп. Запутали меня. Я не смогу вам помочь. Сказал же. Идите, вон там над нами больница, у глав врача или дежурного спрашивайте разрешение. А я открою-закрою что хотите ГЛЕБОВ. (встает, нависает на Марком) Привык, да? Все

по разрешению делать привык. Во, поколение у нас растет. Мамкиных юбок. Ответственность-то на себя когда брать бу-

дете? Вот такие правильные нужны, конечно. Строем ходить. А может тебе в армию лучше? Че ты не в армии?

МАРК. Я учусь. ГЛЕБОВ. Учусь. На кого?

МАРК. В медицинском. ГЛЕБОВ. Аааа. Понятно тогда. И как ты потом будешь с

людьми работать? С таким отзывчивым сердцем. Как? Вот так вот от людей всегда отмахиваться? Все по правилам у тебя будет, да? Пусть они умирают. На ступеньках больни-

цы. Старики там, дети. Да? Главное, чтобы по правилам, да? (передразнивая кого-то) Бахилы, мужчина!!

ГЛЕБОВ. (настипая) А че не ОМОН? Зови, зови, пусть меня вообще поломают тут, отмудохают, мало мне горя -Ленка умерла, зато по твоим правилам, да? Ты пойми, я на

МАРК. (поднимается со стула) Я сейчас охрану позову.

самолет опоздаю! Следующий через неделю. Зови охрану, че ты встал? МАРК. (упираясь спиной в дверь морга) Слушайте, я все

понимаю, но не могу, технически. Не-мо-гу. Ждите, к восьми придет другая смена.

ГЛЕБОВ. Ну зови че ты? Зассал? Открывай эту халабуду! Глебов отталкивает Марка от двери в морг и пытается открыть. Та не поддается. ГЛЕБОВ. Где ключ, сука? Ну!?

Глебов бросается к столу и хватает лежащую связку ключей. Марк не дает. Глебов пытается применить силу. Марк хорошо поставленными ударами по корпусу валит Глебова на пол. Глебов корчиться на полу. Марк стоит над

ним сжав кулаки. MAPK. (возбужденно) Че? Все?! Все?!

ГЛЕБОВ. (выдыхая) Норм, я норм. Марк отходит. Глебов садиться на полу. Посматривает

ГЛЕБОВ. Хорошо. Хорошо.

МАРК. И идите отсюда. Наверх. Туда. Здесь нельзя ждать. ГЛЕБОВ. Так сам же сказал ждите.

МАРК. Я же не здесь сказал. Там на верху, в холле, аппараты с кофе есть.

ГЛЕБОВ. Здесь – не здесь. (поднимаясь и отряхивая паль-

на Марка.

МАРК. Кого? ГЛЕБОВ. Елену.

то) Ладно. Ты мне ее хоть покажи.

Марк нерешительно оборачивается на двери морга.

ГЛЕБОВ. Я ж откуда приехал. Дай посмотреть. Ну в качестве исключения. Я ее 15 лет не видел.

МАРК. А вы кто ей?

ГЛЕБОВ. Муж. Марк подыскивает подходящий к пои на связке, вы

Марк подыскивает подходящий ключ на связке, вставляет в скважину,

МАРК. (*припоминая*) ...Вставил и повернул! Потом приподнял и выдернул с силой.

и только он открывает дверь, как Глебов бросается в атаку. Марк бьет его рукой в живот, захлопывает и запирает дверь.

МАРК. Совсем озверел? Еще хочешь?

ГЛЕБОВ (*отползая в сторону, с трудом усаживаясь на каталку*) Все-все. Больно-то как.

МАРК. Уходите.

ГЛЕБОВ. Сейчас отсижусь, погоди. О-о-о... Ну ты мне дал, конечно. Скаааа.... Ребро сломал. Точно говорю. Боксер что-ли?

МАРК. (прячет ключи в карман халата) Немного.

ГЛЕБОВ. И будущий врач, и боксер, и принципы. Какие осознанные дети пошли. Тебе сколько?

МАРК. 19. Если ребро, то давайте, я посмотрю.

ГЛЕБОВ. Да посмотрел уже. Фух. Не надо. Спасибо. Ох. *Глебов переходит на диван.*

Глебов перехооит на оиван. ГЛЕБОВ. Тут немного полежу. Все равно пока идти неку-

да. Не с узбеком же этим, в такси сидеть. (*пауза*. Глебов внимательно смотрит на Марка. Хочет что-то сказать, мнется и видимо решается) Эх, парень, не отдадут мне ее утром, понимаешь.

МАРК. Так вон у вас документ.

ГЛЕБОВ. Фуфло это. Купленное. Ох (*nomupaem nocmpa- давший в стычке бок*) Утром родственники ее придут, муж, дочь, родители.

МАРК. Так вы же муж?

ГЛЕБОВ. Бывший, пацан, бывший. Ладно хоть твари эти позвонили. Сказали. На похороны позвали. Церемонию прощания, мать ее. (*трет бок*) Ох, как больно. Точно ведь сломал.

МАРК. Так вы что? Выкрасть ее хотели? А мне потом что?..

ГЛЕБОВ. Ну, извини. А что было делать? Сколько тебе говоришь? Вот и мы с ней познакомились, когда нам по 19 было. В институте. Там же и поженились, на четвертом, или на пятом, слушай, когда? На четвертом. Точно. А в 30 раз-

велись. Она от меня к этому козлу ушла. Ну он побогаче, состоявшийся такой, газпром-херпром, но дело не в этом, в этом тоже, наверное, но не в этом, понимаешь. Она ушла, потому что мы изменились. Другие стали. Не такие как в 19. И все вокруг другое стало. Страна, жизнь... Надо было нам детей заделать сразу. Но мы же свободные были, современ-

ные такие. Потом, когда постарше станем, думали, и народим, взрослее когда. А пока для себя сначала. Поживем. О потом... оказалось... только для себя и живем. Каждый сам

МАРК. И не завели детей?

за себя. Вот так.

она уже с ним шпили-вили, пока со мной. Ну ты понял... А я потом уже тоже. В новой семье. Дочке сейчас пять лет. Сорок лет разница у нас, прикинь. То есть, когда она в институт пойдет, я уже старый пердун буду. Меня это вот убивает, знаешь. Я если б сразу детей завел, у меня они старше, чем

ГЛЕБОВ. Не, она от него сразу родила, как ушла. То есть

ты были щас. Во, сюжет, да? Подружки там у нее. Двадцатилетние. Приходят, допустим, в гости. И я еще такой ничего. А в 60 лет, что я буду – старик? (шамкая) Шапку надень! В

комнату дверь не закрывай! Алиска!! (нормальным голосом) Главное знаешь что? Быстро сдохнуть. Чтобы детям не мешать. У них только жизнь начинается, а ты такая развалина. Жопу подтирай тебе. И не стыдно чтоб им было. У меня вон

уже зуба нет. Трех. А в 60 что будет? У тебя родители живы?

МАРК. Да. ГЛЕБОВ. Хорошо. А я сирота. Уже.

МАРК. А вы зачем ее забрать хотели? ГЛЕБОВ. Ааа, это такая история, братан. Я обижен на нее,

конечно, был все это время. Да. Обидно, вот прям, бл..., тошно как обидно. Бросила. Потом немного отпустило. Я как узнал, что она... ну... умерла. Хмырь этот позвонил. Я гово-

рю ему, да приеду, проститься, да. А потом такой сижу. И в голове все крутится, веришь? Картинки. Институт, там. Как комнату снимали, у бабки какой-то. Вот, мы с ней лежим. С

Ленкой. Голые. У меня пепельница холодная на груди. Курю. Темно. Штору качает. Форточка открыта. Снег скрипит. щай. Ну я и пообещал. МАРК. Грустная история. Слушайте, ну это когда было? Сейчас бы она, наверное, по-другому сказала. ГЛЕБОВ. Я пообещал. Глебов достает из кармана фляжку, откручивает

Троллейбус первый, утренний, гудит. Она спрашивает меня, а ты смерти боишься? Есть, говорит, такие моменты, когда уже умереть не страшно. Когда ты счастлив вот в моменте. Вот именно сейчас. И говорит мне дальше, пообещай, если ты меня любишь, только точно пообещай, если я раньше тебя умру, ты меня сожжешь, а пепел развеешь над морем. Такая вот романтика. Не хочу, говорит, ни могил, ни гробов, хера-боры вот этой всей. И воспоминаний не хочу. Пообе-

крышку и надолго прикладывается.
МАРК. Здесь пить нельзя. Будете пить – лучше уходите.
Глебов быстро убирает фляжку.

ГЛЕБОВ. Хорошо, хорошо. Надо чего-нибудь... Бодрящего.

МАРК (*открывает стола ящики*) Тут, наверное, чай можно попить. Нет что-то ничего только...

ГЛЕБОВ. Я щас наверх метнусь, в автомат. Все равно сидим. За кофейком.

дим. За кофеиком.

Глебов убегает. Марк смотрит на стопку учебников и резко отодвигает их в сторону.

Входит ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Из-под короткого халата — виднеется край юбки и золоченные туфли. Сильно накраше-

на. Выражение лица властное. ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Что это тут за проходной двор? Ты

кто? Марк вскакивает.

МАРК. Я... сторож... первый раз.

Завотделением опускается на диван.

ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Ночь только началась, а я уже так устала. Да, я знаю. Знаю. Новенький ты. Студент какого курса? (похлопывает ладонью по дивану). Садись-ка рядышком.

МАРК. (*усаживаясь рядом*) Третьего. ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Травму кто ведет у вас? Фельдман?

МАРК. Нет. Ашкенази.

ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. А Фельдман где?

МАРК. Умер, говорят.

ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Умер?! Ничего себе. Молодой же вроде еще старичек был. Еще у меня вел в свое время. А Аш-

кенази этот выскочка, одногруппник мой. Хорошо учишься?

ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Молодец. (вздыхает, выпрямляет

спину, выставляя вперед массивную грудь) Будем вместе дежурить. Как тебя звать-то?

МАРК. Марк.

Марк кивает.

ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Какое красивое имя. Ночные дежурства, молодой человек, коварная вещь. Коварная, да. Но

ты привыкнешь. Поднимешься потом ко мне в офис, хорошо?

Марк неуверенно кивает. Завотделением встает. Марк вскакивает. Завотделением уходит. Входит Глебов.

ГЛЕБОВ. Что за тетя? Она тебя клеит стопудово. Угощайся.

Глебов ставит на стол стаканчики кофе и кладет упаковку печенья. С треском вскрывает упаковку. Берет себе один стаканчик и одно печенье.

МАРК. Это завотделением. Вы можете, кстати, с ней поговорить. По своему делу. ГЛЕБОВ. (отпивая из стаканчика) С этой? С этой точно

не договоришься. Бери, че ты? Это просто так.

Марк берет свой стаканчик и печенье. Глебов усажива-

ется на край стола, сметает крошки с пальто.

ГЛЕБОВ. Кофе дрянь. Че я сижу тут? Скукота. (отстав-

ляет стаканчик и берет попавшуюся под руки журнал, ли-

стает) Тааак... (читает) Рано стала вдовой... ага... супруги во время медового месяца путешествовали по Шри-Ланке... Так... Крокодил утащил мужа под воду, пока тот мочился в лагуну. Обезображенный труп всплыл через пару

недель без рук и ног. Ну дак, кому понравится, что какой-то

хрен ссыт на твой дом. Глебов бросает журнал обратно.

ГЛЕБОВ. Что я сижу тут? Не откроешь ведь ты мне?

МАРК. Опять?

ГЛЕБОВ. Ладно. Напарника твоего дождусь. Его подкуп-

МАРК. Вас же арестуют. ГЛЕБОВ. Я обещал. МАРК. Тут что-то другое у вас. ГЛЕБОВ. Что-то другое? У тебя девушка есть?

МАРК. Нет. ГЛЕБОВ. Ну вот видишь.

ПЮ.

Опускается лифт. Из лифта выходят САНИТАРЫ – тощий мужик и мужеподобная женщина. Санитары толкают тележку с трупом.

МАРК. (Γ лебову тихим голосом) Вы тут сидите. Потише только.

САНИТАР. Принимай покойничка. Свежак. ЖЕНЩИНА-САНИТАР. А это кто?

МАРК. Это... Преподаватель мой.

ЖЕНЩИНА-САНИТАР. Здрасте.

Глебов важно кивает. Женщина-санитар уходит. Мужик-санитар подходит к столу.

САНИТАР. О, печенка! (*берет со стола печенье*) Первый раз? Страшно? (*ржет*) Такую знаешь тут бабенцию привезли вчера. Зачет фигурка. Ох ты ж. Конфетка.

ГЛЕБОВ вдруг сплевывает на пол, попадая на ботинки Санитару. Санитар растеряно смотрит на свои ботинки.

Санитару. Санитар растеряно смотрит на сво САНИТАР. Ты кто? Че эта за...?

ГЛЕБОВ. Братка тут мой лежит. Мертвый. Его хачи сегодня порезали. Караулю вот теперь. Шоб не ушел. Че пасть

раззявил? САНИТАР. Что? Эта...

ГЛЕБОВ. Не нравится мне как ты не уважительно про мертвых разговариваешь. Не по-человечески как-то. Ну Ты че бумбарашку-то включил? По жизни ты кто?

ГЛЕБОВ. (повышая голос) Хули не понял ты, хорек? Ты

САНИТАР. Че та... я эта... не понял.

в уши что-ли долбишься? Ты прямо здесь сейчас незнакомым пацанам предъяву кинул. Женщину мертвую оскорбил. А может она мать чья-то или дочь. Жена может. Бывшая. Я же пока интересуюсь только, откуда ты выпал такой резкий

и неожиданный? Думаешь, мертвый он не человек? САНИТАР. Да я печенку просто взял. Че начинаете... ГЛЕБОВ. Завали жало свое! Ты братика моего разбудишь.

САНИТАР. Ну, извините. Извините. Я же не знал... Я пойду. ГЛЕБОВ. Иди. Стой. Печенку оставь. Ага. Теперь иди.

Санитар бочком выходит.

МАРК. Это вы зря. Пожалуется сейчас. ГЛЕБОВ. Этот не пожалуется. Может я из бывших, а? Тут

народ-то Уралмашем воспитан. Видит на кого можно прыгать, а на кого нет. Забывают только, что базар фильтровать надо. Эх были времена, а теперь мгновения... Знаешь, едешь

так с универа, поздно уже, в библиотеке чета там переписывал-читал, ксероксов же не было, заходишь в свой подъ-

сывал-читал, ксероксов же не было, заходишь в свой подъезд в темноте, а под ногами хрустит. Как будто по снегу про-

нашей школы... Геройски... Как меня угораздило тогда сессию сдать? Хер его знает. Этот вот от чего умер?

Глебов кивает на каталку с трупом. Из-под простыни выглядывает голая нога. На ноге старый стоптанный тапок. Марк сосредоточено заполняет какой-то бланк.

МАРК. Написано, что отравление. А вы тоже?

должаешь идти. Шприцы. Шприцы лежат. У меня из класса так трое пацанов... От герыча. А один в Чечне погиб. На самый-самый Новый год. Я водку с телками пил, а он под пулями лежал. На школе потом табличку повесили. Ученик

МАРК. Наркотики. Марк встает из-за стола. Снимает с трупа тапок и надевает на голую ногу бирку. Прикрывает ногу простыней.

ГЛЕБОВ. Что тоже?

Вертит в руках тапок. Не знает куда деть. Потом кладет его сверху на простыню.

ГЛЕБОВ (наблюдая за Марком) Лурак что пи какие нар-

ГЛЕБОВ. (наблюдая за Марком) Дурак что ли, какие наркотики? Ловко ты с ним. Тебе не противно? Ну вот трогать? Нда... Хотя не так уж страшно тогда и было. Это сейчас все

говорят «лихие девяностые». Нормально было. У меня телка на первом курсе была. Жила, в самых пикулях, там за

Дворцом Спорта. И вот она меня значит зажимает в подъезде, ночь на дворе, а у меня только одна мысль, как я оттуда выбираться буду. Иду я значит потом от нее, ночь-полночь, а там такая аллейка к Дворцу. Фонарики, снежок искрится, под ногами хрумкает. А мне навстречу пятеро. И никого воникуда. Ну, я яйца в горсть, иду на встречу. Один такой отделяется. И ко мне значит. А я в этот момент думаю, на хер эту телку вообще и всех баб... Марк подталкивает каталку с трупом к дверям морга.

круг. А снегу уже намело, по краям сугробы, не убежишь

Возится с ключами. Глебов замолкает и внимательно за ним наблюдает.

МАРК (пытаясь открыть дверь) Ну? А дальше что? Марк не может открыть дверь.

ГЛЕБОВ. А он мне такой вежливо, прикурить есть? Все по классике идем, понимаешь. Я ему спички протягиваю. Он мне – возьму. Я – бери. Он мне – пока. Я – пока. Пешком

час потом домой топал. До самого Юго-Запада. По тьме. Че она интересно делает сейчас? МАРК. Кто? Похоже мы с вами ключ погнули.

ГЛЕБОВ. Анька. Телка та. Слушай, а я прилягу? МАРК. Вы ее бросили сразу, да? Точно ведь, погнули. Как

его теперь в холодильник завезти? ГЛЕБОВ. (устраиваясь на свободной каталке) Да какой

там... Всю зиму ходил к ней. Сиськи у нее огонь. Были. Это еще че. У меня в кореша вообще стреляли, тоже от биксы шел. Двое у ларька подошли, бухущие, слово за слово, хре-

ном по столу, он одному переебал, тот с копыт, а второй волыну достал и шмальнул. Два метра всего и не попал. Ворошиловский стрелок, блин. Менты главное тут же были. Всех троих приняли. А потом корешу моему говорят, ты давай,

что эти перцы бухие и завтра тебя не вспомнят. (зевает) Спасибо, что живой короче.

Глебов замолкает. Марк подходит и накрывает Глебова одеялом. Каталка с трипом, накрытым простыней, оста-

иди домой по-тихому и молчи в тряпочку, скажи спасибо,

ется стоять около дверей в морг.

Марк садиться за стол и копается в стопке учебников.

Глебов лежит на каталке, укрытый одеялом. Входит ры-

жая ЛИЗА в форменной полицейской куртке, без шапки, усталая, но красивая.

Лиза с ужасом смотрит на две каталки, накрытыми

простынями.

МАРК. Здравствуйте. А его уже нет.

одному делу экспертизу забрать надо. Заполнить карточку.

МАРК. Здравствуите. А его уже нет.

ЛИЗА. А у вас здесь морг? Меня к вам послали. Нам по

МАРК. Я не знаю. Я первый раз. У вас снег... ЛИЗА. (проводит рукой по волосам). Ага.

Лиза показывает удостоверение.

ЛИЗА. Я из полиции. Марк кивает. Лиза расстегивает куртку. Под ней поли-

цейская форма.
ПИЗА (шепотом) Это ито мертрые?

ЛИЗА. (шепотом) Это что, мертвые?

МАРК (*тоже шепотом*) А вы что, работаете по ночам? ЛИЗА. Да я как бы первый раз на дежурстве. Вот меня и отправили в морг. А сами ржут, дебилы.

МАРК. То есть вы... не из-за него?

пожимает плечами. ЛИЗА. (склоняясь над столом) Вот, карточка. Ее надо заполнить. Фу, как у вас воняет тут.

Марк машет рукой в сторону каталки с Глебовым. Лиза

МАРК. Это формалин. Отойдите, у вас с волос на стол капает. Снег тает. И капает.

ЛИЗА. Я так-то из полишии!

Марк рассматривает карточки. Чешет голову. Лиза рассматривает его лицо.

ЛИЗА. А ты здесь работаешь?

МАРК. Я вообще студент. В медицинском учусь. Подра-

батываю тут.

ЛИЗА. А я только школу полиции закончила... Слушай, помоги, смотри, это по поводу какого-то трупа. Я сама не знаю, как это все делается.

Лиза тычет пальцем куда-то в карточку. Марк наклоняется. Со стороны морга раздается какой-то стук. Лиза вскрикивает и одергивает резко руку, ударяя Марку по носу.

Марк хватается за нос. ЛИЗА. Ой. больно? Больно да?

МАРК. (гнусаво) Нормально. ЛИЗА. Дай посмотрю.

МАРК. Да не больно.

ЛИЗА. Разбила? Кровь идет? Да, дай ты.

Лиза силой убирает руки Марка. Внимательно рассматривает лицо Марка. Марк смотрит на нее.

ЛИЗА. Ниче там нет.
В помещении моргает свет. Лиза беспокойно оглядывает-

ЛИЗА. А что там у вас? Вот, стукнуло так.

МАРК. Души мертвых.

ся. Марк трет нос.

ЛИЗА. Ага, понятно. Мертвецкий юмор. Давай быстрее, а? Что там с бланком?

МАРК. Мне нужно наверх подняться. В офис.

Марк медлит, сомневаясь. ЛИЗА. Ну.

МАРК. Я пойду?

ЛИЗА. Ну так иди.

Марк оглядывается на Глебова, который лежит на каталке под одеялом. Потом берет со стола связку ключей и засовывает ее в карман.

МАРК. Хорошо. Я пойду. Только вы ничего тут не трогайте

гайте. ЛИЗА. Очень надо. (перебирает книги на столе и чита-

ет названия) Половая психопатия. Паразит – царь природы.

Записки одного патологоанатома. Ну и книжки тут... МАРК. Я быстро.

ЛИЗА. (одергивает руки от книжек и прячет их под себя) Да уж хотелось бы.

Марк уходит. Лиза сидит на стуле, беспокойно оглядываясь по сторонам. Глебов вдруг садится на каталке завернутый в одеяло с головой. Лиза, увидев это, вскрикивает,

внимание на Лизу, спрыгивает с каталки, подходит к двери в морг и трогает ручку. Дверь не открывается. Глебов дергает сильнее.

ГЛЕБОВ. Закрыто.

дверь. Потом идет к столу и садится на место Марка. Лиза с ужасом смотрит на Глебова. Глебов начинает откры-

вскакивает с места. Глебов срывает одеяло, и не обращая

Глебов еще несколько раз сильно дергает дребезжащую

вать ящики. Лиза стоит около дивана, готовая убежать. ЛИЗА. Что вы делаете? ГЛЕБОВ. Ключ забрал скотина. ЛИЗА. Вы кто?

ГЛЕБОВ. Кто я? А кто я? Хороший вопрос. ЛИЗА. Вы живой?

Глебов, морщась, хватается за бок. ГЛЕБОВ. Частично. Видели куда он ключ положил?

ЛИЗА. А вы почему без халата? ГЛЕБОВ. (дергая очередной ящик) Не положено.

ПЛЕБОВ. (*дергая очередной ящик*) Не положено. ЛИЗА. Как это не положено?

ГЛЕБОВ. Ну, так. Один должен обязательно по гражданке быть. Это как у вас. В ментовке. Так проще войти в доверие к людям. Разрушает стену. Дистанцию сокращаем... Между клиентами и работниками.

ЛИЗА. Какими клиентами? Я думала тут только мертвые.

ГЛЕБОВ. О, тут знаете сколько народу шастает? Родственники, друзья, сослуживцы. Мужья бывшие. Извращен-

плантологи. Похитители трупов. Сатанисты. Пионеры-экспериментаторы. Нам бы полицейского сюда посадить, в форме, с пистолетом. Такую вот как вы.

цы всякие. Санитары ходят. Бабки-кликуши. Черные транс-

Глебов в упор рассматривает Лизу. ЛИЗА. Зачем же трупы похищать?

ГЛЕБОВ. Ну, не знаю. На опыты. Или по любви. Все из-

за любви. А вы красивая.

ЛИЗА. (уже успокоившись) Как у вас тут холодно. ГЛЕБОВ. Поэтому мы тут и пьем. По инструкции.

Глебов достает фляжку. Прихлебывает.

ГЛЕБОВ. Будете?

ЛИЗА. Я на службе. ГЛЕБОВ. Когда это кому мешало? Я вот тоже на службе.

Но пью же. И курю.

Достает пачку сигарет, закуривает.

ГЛЕБОВ. (читает на пачке) Преждевременная смерть. Странно, да? Преждевременная. Как это - прежде време-

ни? Раньше положенного что ли? Преждевременная смерть. Есть, можно подумать, своевременная смерть. Ожидаемая смерть. Вот уж смерть так смерть. Вот пришла, и как вовре-

мя, а?!

ЛИЗА. (расстегивает ворот) Холодно и душно у вас. Хватит про смерть уже. Я и так тут не в себе немного. Голова

кружится.

ГЛЕБОВ. А кому смерти отсыпать?! Всегда вовремя, все-

гда в самый раз! Раздается сильный стук со стороны морга. Лиза с криком (Ой!) медленно оседает на диван. Ей плохо. Глебов по-

могает ей улечься, склоняется над ней, машет перед лицом

ГЛЕБОВ. Какая у вас красивая форма. Надо еще пуговку

Глебов подходит к столу и бросает на него медицинский справочник. Вбегает Марк с бумажками в руках. Видит за

каким-то медицинским справочником.

ГЛЕБОВ. Вот так всегда.

ЛИЗА. Отстаньте, а? Я сказала, уйдите.

расстегнуть.

столом Глебова.

МАРК. А где она? ГЛЕБОВ. Кто? МАРК. Полицейский. Полицейская. Ушла?

ГЛЕБОВ. Куда она денется. ЛИЗА. Наконец-то. Дышать у вас нечем. Этот еще, ваш коллега.

ГЛЕБОВ. Ладно-ладно.

Глебов берет со стола справочник, которым ранее обмахивал Лизу и садится на диван. Лиза садится на стул, Марк возвышается над ней. ГЛЕБОВ. О как... (читает) Причины смерти, записанные

священниками в дореволюционной России. Посмотрим... ага... Обыкновенная дряхлость. Ну это понятно. От поротья.

Это тоже понятно... Во! Девица 39 лет: от престарелости.

ЛИЗА. Ага. МАРК. Я могу еще сбегать, посмотреть. ЛИЗА. Это то, что надо. ГЛЕБОВ. От пухлятины. Это как? С голодухи что-ли?

Слышьте? 39 лет. От престарелости. У нас только нити себе

в морду загоняют в этом возрасте. И губы накачивают.

Христианскою кончиною. Страшно даже предположить, что это.

ЛИЗА. А у вас ручка тут есть?

ГЛЕБОВ. Убит закубанскими хищниками. Чеченами что ли? От подвала. Смешно. Засыпало землей. Это разные ока-

МАРК. Вот. Возьмите. ЛИЗА. Не пишет.

МАРК. То, что нужно?

лиза, пе пишет.

Марк пытартся п

Марк пытается расписать ручку на своих тетрадях. Торопится.

зывается причины. Ты подумай. Ха! Послушайте? От естественного изнурения сил! У меня почти каждый вечер такое

изнурение сил. ЛИЗА. Да, ладно, не нужно.

МАРК. Чернила замерзли, наверное. ЛИЗА. Наверное.

МАРК. А вы? Замерзли?

Лиза пожимает плечами.

ГЛЕБОВ. От замерзутия. Холодно здесь, блин в самом деле. От грешной болезни. Сифак, наверное. От триппера же

МАРК. Как хотите. ЛИЗА. Да, хватит уже расписывать ручку. Я перефоткаю просто. Потом сама заполню. Лиза достает телефон и фотографирует бумаги. ГЛЕБОВ. (продолжая читать) По требованию времени... От слабой жизни... Это как у всех. От природной об-

ЛИЗА. Нет. Наверное. (вдруг шмыгает носом) Не хочу!

МАРК. Я могу чай вскипятить. Хотите?

ветшалости. Это снова про меня.

не умирают. Колек вон, кореш мой, не умер. Жена только избила, но не до смерти. Убит злодейской рукой. Как про милиционера или председателя колхоза пишут. Во! Еще круче. Застрелен через окно! Ну точно хроника гражданской войны. А это чем не христианская смерть. Лучше уж так, чем

в подвале...

ЛИЗА. А можешь страницы придержать? Загибаются. МАРК. Могу.
Лиза обеими руками держит телефон и склоняется над

бумагами. ЛИЗА. Подожди, пальцы твои влезли. Мне же все надо.

Весь лист. Вот здесь держи. Вот здесь, говорю.

Лиза берет руку Марка и отодвигает на край листа. ЛИЗА. У тебя руки у самого холодные.

ГЛЕБОВ. От слепоты заплутавшийся в поле и умерший.

Это тоже про всех нас. Нда... заплутавшийся... Только представьте, молодежь. Поле. Такое огромное, в край земли. И

по полю идет слепец. МАРК. Ну, может я неживой?

ЛИЗА. Странная у тебя работа.

МАРК. У тебя тоже.

ЛИЗА. А что у меня?

МАРК. По ночам, по моргам ездить.

ЛИЗА. Сам-то.

МАРК. А я студент, у меня практика.

ЛИЗА. И у меня практика. Все! Убирает телефон в сумочку.

ЛИЗА. (зло) До свидания.

лиэт. (*эло)* до свидания.

МАРК. (не глядя на нее, бурчит под нос) Всего.

Лиза, громко топая, уходит. ГЛЕБОВ. (продолжая чтение) Застрелился в меланхоли-

ческом состоянии. Умели люди от жизни отдохнуть. Дурак ты. Ты же ей понравился. И она тебе.

МАРК. Ну и че?

EHEEOD OS --

ГЛЕБОВ. Ой, дурак.

Глебов вскакивает и убегает, хлопнув дверью. Марк раскладывает бумажки на столе. Берет авторучку, пробует расписать, кидает ее с силой в сторону.

Возвращается Глебов, он с трудом несет обжигающе горячий стаканчик кофе из автомата и кладет перед Марком на стол бумажку.

МАРК. Что это?

ГЛЕБОВ. (прихлебывая кофе) Она тебе телефон просила

передать.

МАРК. (берет в руки бумажку) Просила?

ГЛЕБОВ. Пришлось сказать, что тебя только что девушка бросила, поэтому ты такой лох. А так по жизни нормальный.

МАРК. (смущенно убирает бумажку в карман) Лиза... Спасибо... Я сам что-то тормознул. Нашел бы ее вконтакте, если что. Не сильно она мне и понравилась.

Глебов смотрит на Марка, ничего не отвечает, берет со

стола один из ичебников и идет к дивани. ГЛЕБОВ. Я знаешь как со своей познакомился? С Ленкой.

В общаге было. Я иду, а она стоит, курит в окошко, плащ у

нее такой был. Идиотский. Оранжевый. И ключицы смешные такие. Как палочки торчат. Окошко раскрыто. Там дождь. Самое начало осени. Только еще в общагу заехали. Я у нее сигарету попросил и встал рядом. Курю. Она раздраженно так, не поворачиваясь, ты типа так и будешь здесь стоять? А

я говорю, да... Так и буду... Глебов открывает книжку и читает вслух. Марк откры-

вает свои ичебники. ГЛЕБОВ. (читает) Невроз отложенной жизни. (закрывает книгу) А первый раз когда трахались, я сознание потерял.

Прикинь? МАРК. У меня зачет завтра. Можно я...

Глебов смотрит в одну точку.

ГЛЕБОВ. Не помню лица ее. Все помню. Родинку над правым соском, вот здесь вот, помню. Родимое пятно на руплащ. Даже пуговицы на нем. Все помню. А лицо нет. И фотографий у меня не осталось. Ни одной. Глебов снова открывает книжку.

ке. Стрижки какие носила. Вещи. Оранжевый этот дурацкий

типа, когда все откладываешь на потом. Вроде черновик пишешь. А жить потом собираешься. (*начинает цитировать из книги*) ... Живущий в таком сценарии человек искренне и

ГЛЕБОВ. (читает) Невроз отложенной жизни. А-а, это

часто неосознанно считает, что пока он не живет настоящей жизнью, а лишь готовится к ней... Про тебя книжка, слышь? Глебов закрывает книгу и запускает ее через комнату в угол. Потом вскакивает с дивана. Марк закрывает уши руками, склоняясь над учебником.

ГЛЕБОВ. Дурь это все. Во! Это че это тут? Смотри, мафон! Кассетник, елки-палки. У меня такой же был. (*напевает*) Емахо-емасооо!

Глебов извлекает из угла старый кассетный магнитофон. Вбегает КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА (40 плюс) в леопардовой расцветке шубе, под шубой красное платье с глубоким вырезом.

ЖЕНЩИНА. До вас не дозвониться!

ГЛЕБОВ. Слушаю вас. Вы по какому вопросу? МАРК. Сюда нельзя посторонним.

ЖЕНЩИНА. Он у вас? Мужа моего привозили? Я все больницы, все морги обзвонила уже. А у вас телефон не отвечает!

следив его взгляд, вскрикивает и опускается на пол. Глебов подскакивает к ней, поднимает, подводит к дивани, исаживает.

ГЛЕБОВ. Что ж вы все падаете-то? Ну-ну-ну. Красавица

Марк оглядывается на каталку с трупом. Женщина, от-

моя, вы что тут у нас разлеглись. ЖЕНЩИНА. Я так и знала! Чуяло мое сердце. Трубку

весь вечер не берет. ГЛЕБОВ. Может это не он?

ЖЕНЩИНА. Может. ГЛЕБОВ. Ну ка, пацан, посмотри.

Марк подходит к каталке. Заглядывает под простыню. Женшина вытягивает шею.

МАРК. А что я должен увидеть? ЖЕНЩИНА. Это он?

ГЛЕБОВ. Он это?

МАРК. Я откуда знаю. Тут старый какой-то. Ваш старый?

этот. ГЛЕБОВ. Я в возрасте!?

ЖЕНЩИНА. Он красивый у меня!

ГЛЕБОВ. Это да.

МАРК. Этот совсем старик. Седой. Из больницы его похоже привезли. Он в пижаме.

ЖЕНЩИНА. В возрасте. (указывает на Глебова) Как вот

ЖЕНЩИНА. Нет, это не мой. Мой в костюме. И не се-

дой. Он представительный. Красивый же, говорю. От него

все мои подруги тащатся. ГЛЕБОВ. Видите, как хорошо. Жив ваш муж. В кабаке

где-нибудь сидит.

Женщина опять начинает рыдать.

ГЛЕБОВ. Что такое опять?

ЖЕНЩИНА. В кабаке? И телефон не берет. Я там жду его, у нас, между прочим, годовщина встречи сегодня. Двадиать пять лет!

ГЛЕБОВ. Отмечает, наверное.

ЖЕНЩИНА. Я жду. Сюрприз приготовила. Платье надела. Он все не идет. Я жду. Жду. А его нет. Трубку не брал, а потом вообще отключил. Да, я знаю. Я все понимаю. Я ста-

рая. А что я могу? Фитнесстренер у меня есть, спа эти, от косметолога не вылажу, сиськи себе сделала, (*Глебов гримасничает*) На фига они мне нужны?! Губы. Подтяжку. Платье

вот. Для него же все! Что б он во мне женщину видеть не

перестал! Хотеть не перестал. А эти соски молодые... только жопой вертанет. Все, побежал он за ней. Потом откупается... Знаешь как он мне эту шубу купил? Блядовал три дня. Три дня дома не ночевал! Объект он сдавал, ага. Я к нему в

телефон заглянула... Тварь. Тварь! Женщина утыкается в плечо Глебова и рыдает. Глебов гладит ее по голове.

ГЛЕБОВ. Ну, хватит плакать. Хватит! Ну, вытерли слезки. (убирает волосы) Глазки какие у нас красивые. Кто это у нас

(убирает волосы) I лазки какие у нас красивые. Кто это у настут?

ЖЕНЩИНА. (поднимает на него лицо) Я. Что вы как с ребенком со мной? ГЛЕБОВ. Ну-ка.

ГЛЕБОВ. (Марку) Нажми кнопочку. Марк нажимает кнопку на кассетном магнитофоне. Иг-

Глебов встает и тянет за собой Женщину.

рает какое-то старое музло. Глебов привлекает к себе Женщину. Они начинают танцевать.

ГЛЕБОВ. Я бы вот никогда от такой женщины не ушел. ЖЕНЩИНА. (всхлипывая) Да, ладно?

ГЛЕБОВ. Вы как зашли, у меня аж сердце кольнуло. Вот здесь. Ну, серьезно.

поедем?

ЖЕНЩИНА (улыбаясь) Банальщину такую несете. ГЛЕБОВ. И платье у вас прям шик. Я даже вниз стараюсь

не смотреть.

ЖЕНЩИНА. Вот и не смотрите. ГЛЕБОВ. Зачем вам вообще этот муж. Давайте на море

ЖЕНЩИНА. Нет.

ГЛЕБОВ. Ну честное слово, поехали, а?

ЖЕНЩИНА. Так вот прямо и поедем?

ГЛЕБОВ. А че нам?

ЖЕНЩИНА (всхлипывая) Замуж меня зовете? Спасибо есть уже один. И как мы будем жить? Тоже буду ждать вас?

С гулянок?

ГЛЕБОВ. Только вы меня так не теряйте. Я бывает тоже

трубку не беру. Когда занят.

ЖЕНЩИНА. Чем это ты занят таким?

ГЛЕБОВ. Мало ли. Занят. По работе.

ЖЕНЩИНА. Опять тоже по шлюхам своим ходишь?

ГЛЕБОВ. (запальчиво) Да, у нас китайцы приехали, я по объектам с ними мотаюсь. ЖЕНЩИНА. Знаю я, объекты твои. Голожопые. Кобель!

ГЛЕБОВ. Дура!

Женщина дает Глебову пощечину, разворачивается и уходит из морга.

ГЛЕБОВ. (потирая щеку) Что ж меня сегодня бьют все? Видишь, как бывает, влюбился в красивую, рыжую, в поли-

цейской форме, а через 25 лет она вот такая. Тушь течет, губы надутые, сиськи сделаны, туда не ходи, это не делай, следит с кем ты там переписываешься. (передразнивая кого-то)

А это кто? А это кто? (нормальным голосом) Ты, кстати, заметил, что у всех богатых баб лица становятся одинаковые. После этих утяжек. Атака клонов. Понятно, что мужик гуляет от нее. Дура такая.

Марк выключает магнитофон.

МАРК. Человека вообще-то сразу видно. Не надо 25 лет ждать.

ГЛЕБОВ. Наивный албанец какой. Ты знаешь почему все изменяют свои женам и мужьям, а только лишь некоторые нет? Нет, не знаешь? Потому что не с кем! Запомни. Все со всеми трахаются. И все делают это из-за любви.

МАРК. По себе людей не судят. Так говорят.

ГЛЕБОВ. Я тебя умоляю. Она мужа своего по моргам ищет, потому что хочет, чтобы он сдох. Желает этого, а сама не осознает. Нашла бы себе тоже кого-нибудь. Дура, говорю же.

МАРК. Вы тоже что ли изменяли?

ГЛЕБОВ. Ну, а как ты думаешь?

МАРК. По любви?

бовь живет три года. Ты как будто остановился, с поезда спрыгнул, клубники для нее купить, например, а поезд уехал. Ты за ним бежишь. И никак догнать не можешь. Бежишь-бежишь. Наконец запрыгиваешь, а это уже не твое место. Думаешь, а может я не в тот поезд вообще сел?

ГЛЕБОВ. По пьяне. Ты пойми. Знаешь, как говорят, лю-

МАРК. Я серьезно, а вы про поезд.

ГЛЕБОВ. Это вот не самое худшее еще. У меня один друг, кстати вот тоже как ты медицинский заканчивал.

МАРК. Врач?

ГЛЕБОВ. Хуже. Гей. Не, серьезно. Рассказывает мне такой, вот проснулся я утром и понял, что я – гомосексуалист. Вот как так, а? Проснулся. Утро. Тебе сто лет в обед уже.

Тут колет, тут ломит. И чувствуешь, что ты гей. Это как же ты проснуться должен? Засыпать страшно, спать страшно, а просыпаться оказывается еще страшнее. Проснулся, а ты...

иной. Ага?

МАРК. Значит предпосылки к этому были раньше. Мы

проходили, что...

ГЛЕБОВ. Думаешь предпосылки? Не мы такие — жизнь такая, да? Его жена, ко мне прибегает, ах, у Андрюши другая женщина. Ага, вот с таким вот... (Глебов показывает руку, согнутую в локте) женщина. Тут и не поймешь, он все-таки

получается изменил ей или нет? А так хороший мужик, ко-

нечно. Был. Покурю я у тебя тут, можно? МАРК. Нет, здесь нельзя.

ГЛЕБОВ. Нудный ты. От тебя так тоже эта сбежит. Лиза, в полицейской форме. Эх, как хорошо мы плохо жили. Сказал поэт. Знаешь кто?

МАРК. Высоцкий?

ГЛЕБОВ. Темный ты. Дитя индиго.

Глебов расхаживает по помещению, его внимание привлекает листок, пришпиленный к створкам лифта.

ГЛЕБОВ. (*читает*) Избегать блядей и пьяниц. Лев Толстой. Актуально. Вот тоже могучий старик был. Откроешь может дверь-то?

ГЛЕБОВ. Ну и дурак.

Глебов берет в руки газету. Читает вслух.

Марк отрицательно машет головой.

ГЛЕБОВ. В морге города Губкинского уже больше месяца хранится скончавшийся местный житель. Из-за этого его уже прозвали местным Лениным Мужиина жил один поза-

уже прозвали местным Лениным. Мужчина жил один, позаботиться о том, чтобы предать его тело земле, некому. Оказалось, что в Губкинском не заключен муниципальный конну, которую назначило государство – 19 тысяч на похороны одного человека, ни одна ритуальная фирма не хочет работать», - объяснили нашим журналистам в управлении жилищно-коммунального комплекса администрации Губкин-

ского. Это ж надо. Что в мире делается-то. Земля Лениными

тракт на захоронение невостребованных трупов. «За ту це-

Заходит Завотделением. ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Так, Я не поняла. Почему от вас

женщины в слезах выбегают. Что тут происходит? Это кто? Почему посторонние здесь?

Марк замирает. Глебов подходит к Завотделом не выпуская газету из рик.

ГЛЕБОВ. Я...

прирастает.

МАРК. Это мой отец! Пришел посмотреть, как я на новом месте устроился.

ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. У нас вообще-то родственникам то-

же здесь нельзя находиться. ГЛЕБОВ. (Протягивая руку Завотделением) Добрый ве-

чер! (поворачиваясь к Марку) А почему ты не предупредил, что у тебя такая очаровательная начальница. (не выпуская руку Завотделом) Очень рад. Очень. Как тут мой оболтус? Будет мне за него стыдно? Он, знаете, очень у меня правиль-

Глебов наконец отпускает руку Завотделением.

ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. (ошарашено) Хорошо. Хорошо все.

ный. Такой правильный, что даже я с ним не справляюсь.

ГЛЕБОВ. Такой ответственный пост у него. Спасибо. Глебов опять хватает Завотделением за руку. Трясет ее. ГЛЕБОВ. Если что, вы прям мне звоните. Я ему всыплю,

ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ. Ладно. Хороший мальчик. Это вам

Глебов провожает Завотделением до дверей. Та уходит.

Нареканий нет.

если что. Ремня.

спасибо. Я пойду.

ГЛЕБОВ. До свидания.

Глебов поворачивается к Марку. ГЛЕБОВ. Она так на тебя смотрела. Мне кажется, она тебя хочет.

МАРК. Она вдова, а вы больной человек. У меня из-за вас

проблемы будут. ГЛЕБОВ. Никогда не спи со старыми бабами, никогда. Мой тебе совет. Они из тебя весь задор высосут. Это ж чисто ведьмы.

МАРК. Идите уже наверх, а? Хлопают двери лифта. Санитар-Женщина вывозит еще одни тележки с телом.

САНИТАР-ЖЕНЩИНА. Помогайте. Че встали? Марк бросается помогать.

САНИТАР-ЖЕНЩИНА. (показывая на тележку с покойником) А этот что тут? Их в холодильник надо.

МАРК. Я ключ погнул. Не могу дверь открыть.

САНИТАР-ЖЕНЩИНА. Так в офисе наверху должен

быть дубликат. Завоняются же. Напарник мой не заходил? Свинтил куда-то. Мне одной корячиться с этими каталками. Хоть бы не умирал никто, а то пока дотащишь сюда. Санитарка садиться в лифт. Лифт уезжает. Глебов

подходит к новой каталке и поднимает простыню. ГЛЕБОВ. Может это ее муж. Той дамочки в леопарде. Хотя, не сильно-то и красивый. Какой-то покоцанный.

МАРК. Отойлите. ГЛЕБОВ. И носки драные. Рожа опухшая. Алкаш. МАРК. Отойди, я сказал.

ГЛЕБОВ. А то что? Давай, дуй за ключом, сынок. Время идет. Я тебе тут душу раскрываю, клоуном прыгаю вокруг

тебя, а ты целку строишь. МАРК. Знаете что? Надоел ты мне. Достал.

ГЛЕБОВ. О, как! А так? Глебов берет старую газету, достает зажигалку и под-

жигает газету. Марк вырывает газету и сбивает пламя. ГЛЕБОВ. А так? Берет новую газету. Марк угрожающе встает в боксер-

скую стойку. Оба не замечают БАБКУ, которая входит и ставит детские саночки около двери. Те с дребезжанием падают. БАБКА. Ой надымили-то как. Панихида что ли?

МАРК. Вы зачем? ГЛЕБОВ. Ритуальное самосожжение у нас.

БАБКА. Сыночки, это к вам тут привезли сейчас? Покой-

ГЛЕБОВ. Что надо, бабка? Выдача с той стороны.

БАБКА. Да, мне только посмотреть. На труп на этот. Тьфу. Пропади он...

ГЛЕБОВ. Тут, бабка трупов набралось, выбирай не хочу.

Мы тут все за ними в очередь стоим. Каждый за своим. Вон смотри аж целых два. Твой-то поди поближе, чем мой. Или тебе тоже красивого надо, в костюме?

БАБКА. Мне вон тот. У кого носок рваный. С дырой. ГЛЕБОВ. (*делая приглашающий жеест*) Прошу. Трупы вас

МАРК. Вы вообще в курсе, что «мертвец» и «покойник» это в русском языке одушевленные (пауза) ...предметы. А

«труп», например, нет. Неодушевленный. БАБКА. Так он у меня полжизни неодушевленный провел.

МАРК. А знаете почему?

ника

ждут, мадам.

ГЛЕБОВ. Почему? МАРК. Потому что в русских сказках «мертвец» это жи-

БАБКА. Известно, что... Бухал по-черному. С малых лет.

марк. Потому что в русских сказках «мертвец» это живой персонаж, он ходит, говорит, есть, пьет. БАБКА. Да уж, попить он мастак был. Чисто вурдалак.

Ночь пьет, утро пьет, днем спит, а вечером в магазин за добавкой. Снова сидит и пьет. Из дома все вынес. Все туда.

Диван пропил. Коляску соседскую украл, в коридоре общем стояла. Гроб мой пропил. Я себе гроб купила. Хороший гроб,

тихо. И за яйцами поехала. На совхоз. Там дешевле яйца-то. И не эти коричневые. Раньше яйца все белые были. А теперь, как гавно. Вернулась – нет гроба. И в чем меня теперь хоронить будут? Дай, я хоть на него посмотрю.

нележаный. Думала, вот умру, полежу хоть спокойно. Чтоб

Бабка и Марк подходят к крайнему столу. Марк поднимает простынь. Бабка рассматривает покойника. И вдруг смачно плюет.

смачно плюет.

БАБКА. Тьфу на тебя, скотина. Лежит себе, развалился.
Огроменный вымахал. Где я такой большой гроб ему возь-

му? Всегда он был знаешь розовый, задастый. Здоровый был бугай-то. Насосется из бутылочки, я его в кроватку, и сама на смену. В ночную. Приду домой утром. Он дрыхнет себе, как котяра. А у самой ноги как в железе, плечи сводит. Смену отстояла. Тихонечко к кроватке подойду, чтоб не скрипнуло

что, склонюсь над ним, а он сопит. Ровненько так. Чтоб у него животик когда крутило, это не... А как проснется сразу жрать просит. Своего-то молока у меня не было. Пусто в сиськах. Суну ему, чтоб не орал, а он ее всю до крови изжует. Соседка козу держала. Так я ему козлиного молочка. Последние копеечки отдавала. В гости приду, а самой разувать-

линой и вырос. Лучше б девку родила. *Бабка начинает тихонько поскуливать. Плачет.*

БАБКА. (всхлипывая, почти шепотом) Заболел он у ме-

ся стыдно, пятки на чулках стерлись, дырищи такие. Ноги под стол прячу. Ой, стыдно было. Молочко от козочки. Коз-

Глебов вскакивает и протягивает бабки деньги. Много денег. Целую пачку. ГЛЕБОВ. Нате вот.

ня, маленький когда был. Весь горячий, задыхается. Мы тогда в бараках жили, в Кольцово. Ночь на дворе. Снег сыпет. Я его замотала в одеялко, и на саночки. К фельдшеру дежурному, пять километров. Все замело. Все. Фельдшер пощупал, порошок дал. Парацетамол. Идите, говорит. Назад его потащила. Сугробы по колено. Упала... Пойду я, сыночки.

это? Да не надо, ты что, сынок? Глебов сует деньги Бабке в карман старенького коричне-

БАБКА. (утирая слезы большим грязным платком) Что

вого пальто. ГЛЕБОВ. Бери-бери, гроб себе новый купишь. Не вырони, только, господи.

Глебов выталкивает бабку и не берет деньги назад. Бабка хватает саночки, тащит их за собой. Веревочка от саночек цепляется за дверь. Полозья стучат об стенку. Бабка с саночками исчезает.

Марк закрывает простыней труп бабкиного сына.

МАРК. Жалко ее, да ведь? ГЛЕБОВ. А что ее жалеть? Дура бабка.

Завтра еще приду.

МАРК. Сами ж деньги ей дали. Все у вас дураки. Сами-то

кто? Глебов садится за стол, на место Марка. Вытягивает журнал из стопки. МАРК. У меня тоже бабушка в бараке выросла. На Ал-

пила. Сама. Представляете? Физиком-ядерщиком стала! Там в институте женилась тоже. В смысле замуж вышла. Дочку первую родила. Мою тетю. А потом они семьей, в Казахстан перебрались. На полигон. Ну там, где бомбы взрывают.

тае когда жили. В Мамонтово. А потом в институт посту-

Глебов показывает журнал Марку. Там на развороте голая телка.

ГЛЕБОВ. Смотри какие сиськи! Ты поди таких вживую и

не видал. Хочешь такую?

Глебов дальше рассматривает журнал.

МАРК. Вы специально так, да... Вам же плохо... Я знаю... Вы не из-за нее здесь, не из-за Елены своей, и не из-за того, что ей пообещали, вы тут из-за себя. У вас просто все закончилось, прошло, да?

Глебов начинает насвистывать, увлеченно рассматривая журнал с фотографиями телок.

МАРК. И ничего не будет уже. Никогда. И вам плохо от этого. Ничего не будет, ни любви, ничего другого. Жизнь уже в колее и не развернуть. На саночках везут. Можно только ехать куда едет и оглядываться.

ГЛЕБОВ. (продолжая рассматривать фотки телок в журнале) Ого, какая! Хорро-ошая!

МАРК И то нишего не помници, обрывки одни Картинки

МАРК. И то ничего не помнишь, обрывки одни. Картинки какие-то, да? Может и не так все было. Может вообще ничего

не было. Не было и не будет. Вы думаете, что вы тут ради жены, а вы тут ради себя. Чтобы хоть чуть-чуть, хоть что-то вспомнить. Вернуть немного. ГЛЕБОВ. (поет вполголоса, не отрываясь от журнала)

Тум-ту-дум-ту-дум-та-дам. Неее было ииии не надо-00! Марк стоит у каталок и смотрит на Глебова. Сильный

стик со стороны морга. ГЛЕБОВ. Елки! Так и самому можно концы отдать.

Глебов бросает журнал на стол и поворачивается к Мар-

ку. ГЛЕБОВ. Дать бы тебе ремня. Только вот ребро и так бо-

лит. Фигню какую-то несешь. Мне всего сорок пять, у меня жена, любовница, ребенок есть, дом. Денег... Денег вот нет.

Все проеб. Да и хер с ними, с деньгами, еще заработаю. Или не заработаю. Я могу сейчас все послать. Все начать с нуля.

Я с нуля знаешь сколько раз начинал? Я вот в самолет сяду и улечу в Таиланд. Найду там себе молодую тайку или двух. Или трех. И буду бухать. Или не буду бухать. Книжку буду писать. У меня все есть, и все было. А ты попробуй прожи-

ви еще так, чтоб у тебя все было. Не бабки, нет, хотя бабки тоже важно, а так чтоб у тебя в жизни случилось все любовь, смерть, предательство, гавно всякое скользкое, радости всякие, я не знаю, вот ты когда-нибудь в глаза свое-

му ребенку смотрел, а него там целая вселенная отражается? (передразнивает, с пафосом) Жизнь! Плюнуть и растереть. Оба молчат. МАРК. Я не хотел так грубо. Вы извините. ГЛЕБОВ. (машет рукой) А-а-а. Я вот думаю, что с женой у меня будет? Я все деньги, отложенные на дачу, выгреб со счета.

Да смешно даже! Тебя дрючат, ты дрючишь. Всю эту жизнь! Ну? Ты у понравившейся девки телефон не можешь попросить. Сидишь тут, в 19 лет, рядом с трупами. Воняет! Холод-

Глебов скидывает учебники и журналы со стола на пол. ГЛЕБОВ. (успокоившись) Прозрел он. Философ хренов.

МАРК. А как у вас с этой женой? Все хорошо? ГЛЕБОВ. Как с женой? С женой, как с женой. (*смотрит на часы*) Что там у меня с самолетом? МАРК. Я схожу за ключом. Я сейчас! Подождите только.

Глебов встает из-за стола, подходит к двери морга. Тро-

Я сейчас все открою. Подождите!

но! Книжки эти, блядь, читаешь тупые!

Поживи ее сначала. Жизнь эту.

Марк срывается и убегает.

гает ручку. Опускается на пол рядом. Сидит, облокотившись на дверь морга. Молчит. Достает фляжку. Откручивает крышку, но не пьет.

ГЛЕБОВ. Лица не помню вообще.

Глебов смотрит на наручные часы. Поднимается, ставит фляжку на стол, открывает створки лифта, заходит

вит фляжку на стол, открывает створки лифта, заходип внутрь и лифт уезжает вверх.

Вбегает Марк.

МАРК. Ключ! Сейчас откроем.

Марк останавливается. Оглядывается. Подходит к каталкам. Вдруг кто-то настойчиво стучит со стороны морга. Марк открывает дверь. Из морга выходит БОЖМ – ста-

рый, помятый, грязный. Бомж зевает. БОМЖ. Ты что ли дежуришь сегодня?

МАРК. (хватает Бомжа за край куртки) Стоять! Ты

кто?

БОМЖ. Да че ты? Я Сева-Рамс. Работал тут раньше. Меня ребята пускают переночевать. А ты ниче такой, не зассал.

Мы тебя (зевает) разыграть хотели, только я заснул.

фляжку Глебова. Марк закатывает каталки с трупами в морг. Выходит. Запирает дверь. Поднимает разбросанные учебники. Садится за стол. Открывает книжку и погружа-

МАРК. (очень тихо и спокойно) Вали отсюда, понял? Еще раз увижу, ребра тебе переломаю.

Бомж Сева-Рамс быстро уходит, прихватив со стола

ется в чтение.

КОНЕЦ.